

Жан-Луи БАРРО:

Прекрасное братство людей

КТО знает, почему одни становятся каменщиками, другие — виноделами, третьи — создателями машин?.. Я был артистом, еще не понимая, что такое «сцена». В шесть лет уже придумывал забавные истории и изображал их в лицах перед зеркалом. В десять — перечитал на совесть много пьес Виктора Гюго и устроил перед родителями представление, единственным моим партнером в котором была огромная сторожевая собака. Она показывала чудеса терпения, выдерживая мои чудачества — иными словами то, что я вытворял, не называясь. Ведь в нашем роду никто не был связан с театром. Мои предки славились мастерством выращивания виноградной лозы. Так что в венах моих течет темное бургундское вино минимум трехстолетней выдержки.

Артистами рождаются, артистами становятся. Ранняя смерть отца потрясла меня. Я просто ощущал необходимость простого общения с как можно большим числом людей. Дать же это мог только театр. У меня не было сомнений, что делать, когда в один прекрасный день мой лед, оплачивающий мое обучение в школе, сказал: «Хватит! Больше нет денег...»

Мне повезло. Шарль Дюллен, руководивший театром «Ателье» и школой-студией, был прекрасным учителем. Благодаря ему я узнал о Станиславском, Таирове. Классики русского и советского театра — это для меня живые имена. Они учили меня не играть на сцене, а жить. Реализм, искренность, самоотдача — вот их кредо, ставшее и моим принципом.

Меня могут спросить: «За чем вы играете на сцене? За пельти год в театре «Рон-пюэ» бывает всего 300 тысяч зрителей, тогда как на теле-

видении лишь за один-единственный вечер вы можете встретиться с миллионами людей». Резкое замечание. Но для меня 300 тысяч сумевших приобщиться к волшебству заспакают во много раз больше, чем миллионы и миллионы обыкновенных телевизионных абонентов. Я много снимался в кино, много ролей и на телевидении, но каждый раз возвращался в театр.

Театральное представление — уникальный феномен. Сценическое действие дает возможность не только заглушить ощущение одиночества, но и вплотную столкнуться со своей жизнью, увиденной как бы скрытой камерой. Невольно зритель становится актером, а актер, в свою очередь, — зрителем. Объединяясь, сопереживая, люди забывают о неизбежном, ждущем нас в будущем. Любовь, дружба, счастье вытесняют из нашей души и сердца эгоизм.

«Занудные рассуждения погрязшего в пессимизме старика», — скажет обо всем этом кто-нибудь. Смеем надеяться, имею право немного пофилософствовать на склоне лет. Это право я завоевал всей своей жизнью в театре. Она сама по себе ничем не хуже увлекательной пьесы. В 25 лет я поставил свой первый спектакль. Даже в страшные годы войны продолжал работать. Меня тогда пригласили в «Комеди Франсез», где я поставил произведения Клоделя, Мориака, Шекспира... В оккупированном гитлеровцами Париже французское искусство продолжало жить и утверждать национальное достоинство. Потом были 50-е годы — прекрасная пора для нас с Мадлен Рено, моим неизменным партнером по сцене, соавтором, другом, моей женой. С огромным успехом шел тогда чеховский «Вишневый сад». Я играл Трофимова, Мадлен — Любу.

Театр — как первая любовь. Если она взаимная, хочется петь, ходить на руках, радоваться жизни. Если же безответная...

Впрочем, последнее — не мой случай. Пока что наша страсть с Мельпоменой была взаимной и принесла добрые плоды. Возможность судить об этом представилась и советским зрителям. Дважды гастролировал я в Советском Союзе. Всегда с удовольствием выступал перед вашей публикой. Она никогда не переставала поражать меня своей восприимчивостью, искренностью. Прекрасны традиции русского и советского театра.

Театр, как никакое другое искусство, воплощает вечное стремление человека быть лучше, превзойти самого себя. Руководствуясь, в частности, и этим, я недавно опять обратился к гениальной комедии Аристофана «Птицы». 50 лет назад это был второй в моей жизни спектакль, в котором я принимал участие. Теперь пришла пора вновь встретиться с «отцом комедии». Великие драматурги — это люди нашей эры, независимо от того, сколько столетий назад они жили.

Есть два типа режиссеров: диктаторы и тренеры. Я принадлежу ко второму. Вижу свое предназначение в том, чтобы помогать актерам находить их персонажей, а не в диктовке исполнения ролей. Артист театра должен самостоятельно находить свое творческое лицо. И, конечно, никогда не расставаться с котомкой за спиной! Нельзя нам без гастролей. Нужно дарить радость общения с искусством не только жителям столицы и крупных городов, но и деревень, и отдаленных районов. Кто-то подсчитал, сколько километров наездила по миру наша труппа. Оказалось — более 700 тысяч! Мы были как во всех уголках Франции, так и в Японии, США, Советском Союзе, странах Латинской Америки... И везде с радостью встречались с коллегами — членами многоязычного артистического братства. Как бы мне хотелось, чтобы это сценическое братство стало прообразом всемирного единства людей.

Париж.

СЕГОДНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА

Предоставляем сцену двум известным деятелям современного театра.

Их имена не нуждаются в представлении. За каждым — долгие годы работы в театре, преданная служба искусству Мельпомены.

Наш собственный корреспондент в Париже К. Привалов встретился с французским режиссером и актером Жаном-Луи БАРРО.

